

ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ «ТЕАТРА ПОЛЬСКОГО»

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

В торжественной, приподнято праздничной обстановке открылись в Москве гастроли Государственного польского театра, являющиеся важным событием не только в театральной жизни нашей страны. Эти гастроли — новая веха в укреплении многообразной нерушимой дружбы советского и польского народов.

Приезд представителей искусства дружеской страны является миссией дружбы. Приветствуя польский театр, советский зритель приветствует не только польское искусство, но и польский народ, создавший это искусство.

Мне с Театром имени Моссовета удалось побывать в Польше в 1952 году, и я знаю, какое это огромное, счастливое, радостное волнение — почувствовать через искусство единение с народом, представители которого сидят сейчас здесь, в зрительном зале.

Польский зритель с необыкновенным радушием, вниманием и горячностью отнесся к нашему театру и к другим советским театрам, которые приезжали в Польшу. И можно не сомневаться, что советский зритель ответит таким же радушием и вниманием.

Для первого спектакля польский театр выбрал пьесу «Кукла» — инсценировку одноименного романа Б. Пруса, поставленную художественным руководителем театра, режиссером Б. Домбровским. Спектакль этот — театральное повествование о жизни аристократического и торгового кругов старой Польши. В центре повествования — судьба двух людей: молодой аристократки Изабеллы Лэнцкой и Станислава Вокульского. Образ Вокульского вызывал в польской литературной критике споры и несогласия: человек, начавший с революционной деятельности, жадный к знаниям, окончивший свои свободолюбивые молодые увлечения в ссылке, возвращается к коммерческому делу, наживается на военных поставках ради того, чтобы богатством завоевать любовь Изабеллы. Повидимому, Б. Прус хотел противопоставить холодному, расчетливому, бессердечному и надменному обществу непосредственного, противоречивого, подчас хищного, талантливого и способного на большие страсти человека. Так и решен в спектакле образ Вокульского. Перед нами простой, сильный человек, одержимый огромной, неумной страстью. Окончательно потеряв веру в возможность достижения счастья, обманутый Вокульский исчезает.

Изабелла в романе — молодая женщина редкого очарования и красоты, привыкшая с детства к обожанию. Она не только неспособна к какому бы то ни было труду, даже к самому легкому: вызвать звонком слугу — и то для нее занятие неприятное и трудное. Когда ее отец разорился, многочисленные поклонники, охотники за красотой и богатством, покинули Изабеллу. И вот тогда-то в ее жизнь вошел Вокульский, который всевозможными, почти неуклюжими приемами пытается быть ей полезным и выручить старого Лэнцкого из финансовых затруднений. И это раздражает холодную, пустую Изабеллу.

По ходу пьесы театр показывает галерею типов, жизненно-убедительных сцен, правдиво раскрывающих общественную атмосферу тех лет. Культура театра выражается в тщательности характеристик каждого персонажа, даже самого незначительного. Спектакль сделан с предельной точностью и художественной скромностью.

Декорации решены художником О. Аксером отдельными, в основном хорошо найденными фрагментами обстановки, внутренней архитектуры комнат.

Всему спектаклю присущи точность и сдержанность, почти камерность решения. В искусстве польского театра радуют и эта сдержанность, и художественный вкус, и разработка деталей, не допускающая

никакого преувеличения или форсирования. Конечно, трудно воспринимать спектакль тем, кто не знает польского языка, потому что он весь построен на длинных диалогах и почти лишен внешнего действия, драматической напряженности, попросту не сценичен и излишне затянут. Тончайшие интонации, глубоко раскрытые взаимоотношения и отсюда — напряженное и сосредоточенное общение партнеров предполагают зрительный зал, способный все это воспринимать до запятых.

Режиссер не боится длительных пауз. Вспоминается начало 2-й сцены, когда в совершенно еще темной комнате с закрытыми ставнями раздается сначала звон ключа, скрип открывающейся двери и затем входит главный приказчик Вокульского Игнацы Жецкий — наивная и немного смешная фигура идеалиста и чудака, бесконечно преданного своему хозяину и своим идеям о Бонапарте и бонапартизме.

Мы едва различаем, как входящий Жецкий снимает пальто и приводит себя в порядок, осматривает свои ящики с кублами, заводит музыкальную шкатулку. Вот он, наконец, подошел к столу и зажег керосиновую лампу, согрел над ней свои старые руки, он одет в скромный и старомодный костюм однажды полюбившегося покроя и цвета. И при скудном освещении керосиновой лампы он принимается за свой счетверенный дневник, а затем за свои счетверенные книги, прикидывает, думает, решает... Почти пятиминутная пауза. Сцена сыграна в темноте, без слов, но она привлекает внимание зрителя: режиссером и артистом создана убедительная правда жизни.

Исполнение отдельных образов и общее решение спектакля — все вполне соответствует тому, что хранится в памяти от романа Пруса. Это стилистически и бытово точно и художественно выразительно. Я не знаю, о ком из актеров говорить особо. Конечно, прежде всего надо отметить сценические данные и артистичность одной из лучших актрис польского театра — Нины Андрыч, исполнительницы роли Изабеллы Лэнцкой. У нее великолепный низкий голос, внутренняя содержательность исполнения дополняет наше восприятие и создает то, что мы называем современным отношением к образу.

Артист Лех Мадалинский играет Вокульского. Как хороши его простые, сильные руки, его волевое лицо, его сдержанность. Возможно, что такие Вокульские в иных условиях раскрылись бы для других дел — патристических и народных. По крайней мере, так это звучит в спектакле. Великолепен один из представителей искусства польского театра — Ежи Лещинский в роли отца Изабеллы.

Может быть, для того, чтобы подчеркнуть ценность коллектива, следует упомянуть о двух представителях тонкого мастерства — Марии Дулемба (графиня) и Марии Горчинской (Вонсковская), а также о представителе молодого актерского поколения Владиславе Шейбаль, играющем изобретателя Охощко просто, свежо, очень свободно и органично. Нужно сказать и о двух молодых артистах, играющих студентов, — В. Глинском и М. Лонч, которым присущи те же качества.

Конечно, по первому впечатлению трудно судить о театре в целом, но совершенно очевидно, что перед нами глубоко продуманная, умная, талантливая и содержательная работа.

Хочется от глубины души пожелать польскому театру успехов. Я не сомневаюсь, что каждый последующий спектакль будет множить число почитателей польского театра и послужит дальнейшему укреплению нашего братского единения.

Ю. ЗАВАДСКИЙ.
Народный артист СССР.